

Э то надо увидеть своими глазами. Не надо полагаться на чьи-то мнения и суждения. Только самому посмотреть.

Я нахожусь в московской мастерской Зураба Церетели. Впрочем, скромное, обыкновенное слово «мастерская» вряд ли применимо к этому подлинному лабиринту, где ни на стенах, ни на стеллах, ни на стеллажах, ни даже на полу не найти ни единого сантиметра, не занятого произведениями живописи, графики, скульптуры, дизайна, керамики, художественного стекла, свободного от архитектурных проектов, от строительных планов и чертежей.

тальных бронзовых бюстов древнерусских князей, вителей, народных вождей. Изображения эти решены в реалистической манере с явным стремлением к портретному правдоподобию. И дальше, дальше, дальше по лабиринту, кажущемуся безграничным. Трудно поверить, что все вокруг (а это только небольшая часть всего, созданного Зурабом Церетели) сделано человеком, которому господь Бог дал, как и всем другим людям, только две руки и два глаза, отвел ему, как и всем другим людям, только двадцать четыре часа в сутки и только шестьдесят минут в каждом часу.

Все мы слышаны о каких-то необыкновенных,

против этого ужасного сооружения, уродующего и разрушающего панораму Парижа. И что же? Не так уж много прошло лет, и Эйфелева башня стала во всем мире популярнейшим символом Парижа, причем от этого несколько не пострадали ни Лувр, ни собор Парижской Богоматери, ни церковь Мадлен, ни другие памятники истории и культуры, которыми славен Париж.

И еще пару слов о «пробивных способностях». Мне кажется, что если художник завоевал право осуществить свои творческие планы и проекты в открытом конкурсе, в свободном и гласном соревновании с «открытым забралом», если ответственное жюри предпо-

Лабиринты Зураба Церетели

Всего и не перечислишь. Как тут не растеряться, не заблудиться, если бы не заботливое руководство и пояснения двух милых сотрудниц-искусствоведов, уверенно и, я сказал бы, с какой-то гордостью в этой сложнейшей экспозиции ориентирующихся.

Мы движемся вдоль «лабиринта», и каждый шаг, каждый поворот несет в себе что-то новое, неожиданное, любопытное.

— А это что такое? — спрашиваю я. Мои гостеприимные спутницы объясняют, что это — модель православной часовни, которую предполагается воздвигнуть на месте часовни, стоявшей в Охотном ряду возле нынешней гостиницы «Москва» и снесенной, помню, в середине двадцатых годов. Эта новая часовня, по замыслу Церетели, должна быть построена не из камня, не из кирпичей, не из каких-нибудь других материалов, а из... массивного оптического хрустала, чтоб быть одновременно прозрачной и сияющей.

Идем дальше, и мне дают в руки миниатюрные бронзовые фигурки зверюшек — очаровательных козчиков, кабачников, крокодильчиков, способных привести в восторг любого ребенка. И тут же десятки вариантов в самых различных размерах грандиозного памятника Христофору Колумбу в Севилье.

Дальше я прохожу через целую галерею монументальных

чуть ли не сверхъестественных «пробивных» способностях Зураба Церетели, благодаря которым он сходу «захватывает» и «перехватывает» все работы по оформлению и украшению Москвы, монополично внедряя свой архитектурный «кич» (словечко, обозначающее дурной, пошлый, меланжский вкус), нарушающий, уродующий веками сложившийся облик столицы.

О вкусах, как говорится, не спорят. Хотя сама эта крылатая фраза представляется мне довольно спорной. В самом деле — почему бы, собственно, не поспорить, если только под «вкусами» понимать различные взгляды, мнения, точки зрения, особенно в искусстве? Но нехорошо, конечно, когда творческий спор подменяется недоброжелательным и бездоказательным охаиванием, аргументы — руганью. Нарушает? Уродует сложившийся облик? Это можно услышать подчас и от вполне уважаемых и авторитетных критиков.

Но, как известно, самый уважаемый, авторитетный критик и самый беспристрастный судья — это ВРЕМЯ. И вспомним, например, какую бурю возмущения вызвало в свое время возведение в Париже нелепо выстроенной железной конструкции по проекту инженера Эйфеля. Виднейшие писатели и деятели культуры Франции выступили тогда с решительным протестом

чло именно его работу другим, то в чем, собственно, его вина? Разве это дает основания немедленно объявить такого художника монополистом, «пробивным» ловкачом?

Из мастерской Зураба Церетели уходишь под впечатлением огромного творческого труда художника. Труд самозабвенного, неумного, неистового. Под впечатлением гигантского размаха, масштабности и смелости его художественных замыслов, планов, интересов. Это, на мой взгляд, удивительный труженик, как бы заряженный постоянным током высокого творческого и практически делового напряжения. Труженик, не знающий, что такое усталость, пассивность, вялость, успокоенность. Можно, конечно, спорить о художественном уровне, о достоинствах или недостатках той или иной работы. Надо ли доказывать, что у любого мастера могут быть удачи, промахи и неудачи. Пути в искусстве неисповедимы, непредсказуемы и порой тернисты. Но желательно, чтобы спор был честным, непредвзятым и полезным для дела. В противном случае художник может вспомнить мудрый совет Александра Сергеевича Пушкина:

...Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Бор. ЕФИМОВ